

УДК 124.31

**ФЕНОМЕНАЛИЗМ Д. ЮМА
КАК ПРЕДПОСЫЛКА ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОГО ОБОСНОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

Полетаева Юлия Геннадьевна

кандидат философских наук
Уральский государственный аграрный университет, Екатеринбург

mail@apriori-journal.ru

Аннотация. Рассматриваются истоки формирования трансцендентального обоснования возможности исторического познания. Исследуются нововременные предпосылки априорных форм познания исторического, способствующих сопряжению методологии истории и философии трансцендентализма.

Ключевые слова: трансцендентализм; историческое познание; культура; время; личность.

**PHENOMENALISM OF HUME AS A PREREQUISITE TRANSCENDENTAL
JUSTIFICATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE**

Poletaeva Yulia Genadevna

candidate of philosophy
Ural state university, Ekaterinburg

Abstract. Considered the sources of the formation of the transcendental study the possibility of historical knowledge. Studied new time background priori forms of historical knowledge, promoting conjugation methodology of history and philosophy of transcendentalism.

Key words: transcendentalism; historical knowledge; culture; time; person.

Исследование условий формирования трансцендентального обоснования возможности исторического познания обусловлено методологическим кризисом исторической науки в целом. Кантианский путь «допредикативных синтезов» «субъективного а priori конституирования» (Гуссерль) все еще остается единственным инвариантным параметром возможности существования методологии истории как науки. Обращение к трансцендентальной философии в этих условиях вызвано тем, что идея обоснования знания в том числе и исторического познания заключена в кантовском определении сущности трансцендентальной философии [1, с. 64-68].

Идея конструируемости мира самим субъектом сформировалась в эпоху Возрождения. Основные интенции Ренессансного исторического сознания выражая себя посредством риторического дискурса и поэзии означали создание такого языкового пространства, выявляющего не гуманистическую борьбу за красноречие, а поиск способов «схватывания» неповторимого человеческого бытия, в его самодостаточно и индивидуально неповторимом, в его историческом измерении. Начиная с творчества Ф. Петрарки, утверждающего наиболее идентичное изучение античных текстов, основателя новой гуманистической и филологической культуры формируется уникальная тенденция высокой оценки поэзии. Доминичи Салютати утверждает: «Поэзия предполагает вести тривиум, квадравиум и всю философию, человеческое и божественное знание и все науки». Н.В. Ревякина дает следующий комментарий: «Борьбу гуманистов за поэзию, риторику, в широком смысле – за весь комплекс дисциплин, составляющих *studia humanitas*, следует рассматривать не как борьбу за одни дисциплины и отказ от других (логики, медицины, физики), не как соперничество писателей и ученых, а как борьбу за иной способ мышления, за иное мировоззрение», что тоже историческое мировоззрение [2, с. 68]. Показательно в этом смысле следующее. Поэтический дискурс осуществляя план выражения и план содержания в виде ренессансной идеи абсолютного отношения *posse* (возможность) – *est*

(действительное) посредством схватывания универсальной конкретности всех вещей, соизмеряя данное отношение в той степени, в какой со стороны человека воспроизводится усилие «наилучшего возможного порядка» или стремление к совершенной добродетели, где абсолютная возможность относимая к божественному бытию органически сплетается, сопрягается с действительностью, с непосредственным жизненным миром. По сути, ренессансная поэзия, – это некое требование высшего обоснования историчности. Это характеристика такой реальности, которая выступает «способом бытийствования и выделения Я» одновременно. «Соналожение и взаимопронизывание субъектных определений сразу и в «малом» и «большом» времени – вот, собственно, потребная парадоксальная полнота исследования». В этом ракурсе ренессансный гуманизм разворачивая эволюцию идеи назначения человека постоянно воспроизводит, соединившихся «ипостасно и личностно» (Н. Кузанский) действительность «выступающей как условие ответственной мысли» (поступка) и обосновывающих, подчеркивающих достоинство человека связь разума (*mens*), рассудка (*ratio*), и бессмертия. С другой стороны, человек – есть объективная реальность и стремление ко всему естественному для него является неизбежным. Воля данная человеку согласно божественному предопределению свободна в выборе объекта. Согласно Салютати свобода воли осуществляется посредством выбора совершаемого с помощью разума, отсюда свобода воли понимается Салютати как «акт воли и разума».

Можно говорить о новой историчности, «исторической дистанции» одновременно определяемой как **«изобретательный способ» вживания в историческую временность**. Феномен ренессансной историчности, – это схватывающее обнаружение качественной дискретности «разнообразия», привносимый риторическими формами, нарастание ренессансной творческой напряженности объясняемой типологическими и радикальными различиями одновременной сопряженности античной и но-

вой культур, «итоговую сгущенность самой культуры как процесса порождения», означало (лично) **«повышенную конструктивность ренессансного мировоззрения»** [3, с. 120]. Показательны в этом смысле положения самого Канта: «Наши суждения о времени и событиях во времени сами существуют во времени, тогда как наши суждения о пространстве, по-видимому, не относятся в каком-либо ясном смысле к месту в пространстве». Вместе с тем: «Мы нуждаемся в пространстве для того, чтобы конструировать время, и, таким образом, определяем последнее посредством первого» [4, с. 66].

С этой точки зрения необходимо напомнить, что главный мотив в учении Канта – достаточно четко осмысленный еще в логических работах – свободная самодетерминация субъекта, живой укорененности человека в историю. Характерный только для человека способ существования как сумма всех его возможностей. Выход субъекта за пределы того что дано опытом («сам опыт есть вид познания, требующий участия рассудка, правила которого я должен предполагать...»).

Значение интроспективной эпистемологии Юма в структурировании переживаемого мира понятого как совокупность ассоциативных феноменов для исторического обоснования трансцендентализма Канта. Регулярная теория причинности Юма как предпосылка конструируемости мира истории самим субъектом. Юм как методолог истории. Но тогда изгнанная методологией Наукоучения субъективность возвращается «контрабандой».

Юм открывает «новый источник мысли» - проблему индуктивных оснований отношений причинности, опытным полем верифицируемости которых являлся сам феномен исторического. Данное отношение играет ключевую роль в эмпирическом познании и представляет собой особое основание науки о человеческой природе.

Необходимо отметить, что инновационные положения Канта об особой роли субъекта (как субъекта свободного целеполагания) в универ-

суме (о необходимости и правомерности принципа трансцендентальной дедукции) применительно к методологии исторического познания подготовлены «Историей Англии», «Ментальной географией», «Трактатом о человеческой природе как попытке вывести экспериментальный метод рассуждения в моральные темы» Юма, «Ментальная география» Юма получившей широкое признание именно в Германии, а не на родине шотландского философа. Именно юмовские исследования эмпирического познания подготовили почву для выведения Кантом необходимости и правомерности трансцендентальной дедукции.

Юм утверждает, что если в содержание науки о человеческой природе включено исследование оснований эмпирических выводов о закономерностях человеческого поведения, то само это исследование не может быть осуществлено посредством них. «Эмпирический вывод о законе эмпирических выводов» обладает доказательным значением лишь посредством предположения истинности указанного закона. Так фиксированная истинность не может быть удостоверена нашим опытом, – она с необходимостью должна познаваться *a priori*. Исследуя истинность априорных соотношений можно узнать существо познавательного принципа лежащего в основании эмпирических положений и выводов. Термин «*a priori*» означающий условие достоверного знания, которым познающий человек располагает независимо от опыта, по Юму, означает не независимость от опыта вообще, а независимость от индуктивных обобщений. Необходимо одно единственное основание эмпирического вывода, чтобы дедуцировать из него его сущностные основания. Юм полагает: разные перцептивные формы, имеющие многообразное содержание необходимо рассматривать аналогичным образом. Таким образом Юм доказывает возможность непосредственного осмысления (усмотрения) «сущностных характеристик «операций духа» [5, с. 138].

Указывая на конечную природу человеческой души, разума и воли, деятельность которых обусловлена и ограничена чувственно данным

миром, Юм вплотную подходит к рассмотрению проблемы трактовки Я как субстанции. Доказательной базой юмовского движения в направлении создания концепции единого и тождественного Я самотождественного, как субстанции и воображения, допущения некой сущности, остающейся неизменной в смене впечатлений, выступающей условием формирования кантовского понятия апперцепции – является сам феномен исторического, позволяющий фиксировать **проблему операционального исследования феноменальных (дедуктивных) регулярностей в проявлениях природы человека** [6, с. 24]. Таким образом историзм Юма обосновывал формирующийся априоризм.

Опыт формирования математического естествознания XVII-XVIII поставил в центр внимания Юма проблематику закономерностей индуктивного движения познающей мысли, раскрывающее в предметах познания сложные взаимосвязи и изменения. Конкретными науками были открыты новые предметные области и новые познавательные средства. Данное исторически происшедшее преобразование эмпирической сферы познания выражалось в виде отхода от «абстрактного дедуктивного» мышления в виде особой содержательности, особой синтетичности научных форм познания, в установке индуктивной «мысленной конкретности» познания, схватывающий предмет в его многообразии. «Но если к мнению о необходимости причины мы приходим не с помощью знания или рационального доказательства, то это мнение необходимо должно иметь своим источником наблюдение и опыт» – аргументировано утверждает Юм. Однако индуктивная фиксация особых явлений как таковых является, по Юму, недостаточной.

В построении своей теории отношения знания к реальности, совмещая философское рассмотрение объективной действительности с психологическим, интроспективным, Юм отводил методологическим аспектам дедукции особое место. Способом преодоления методологических затруднений связанных с решением проблемы природы интроспекции

является выведение точных результатов исследования познавательных способностей, очерчивающих границы возможного знания. Исходя из этого, одна из существенных целей метафизики, является прояснение понятия причинности.

Вывод Юма о том, что понятие причинности является продуктом воображения не оценивается Кантом как ошибочное. Данный вывод является весьма правомерным посредством тщательной реконструкции Кантом юмовских аргументов, осуществленной им в диссертации «О формах и принципах чувственного и интеллигибельного мира». Вышеуказанный аргумент Юма «расширенный» Кантом на понятия чистого рассудка кладется им в основание трансцендентальной дедукции. Кант исследует отношение понятия опыта Юма к критерию всеобщности как истоку и основанию научного знания. Кант полагает, что хотя опыт и не способен формировать критерий всеобщности знания, он все таки его порождает. Так, согласно Канту, регулярностный характер связей явлений порождает ассоциативные свойства опыта. Сопряжение эмпирической компоненты познавательной деятельности с ассоциативным воображением, превращает понимание источника опыта в основоположение о причинности – вне какой-либо его артикуляции в «природе нашего мышления». Недоказуемость посредством рациональных аргументов основоположения о причинности становится для Канта условием трансцендентального исследования отношения основоположения причинности (к опыту). Особенности такого обобщения предметного содержания эмпирического познания послужили одной из «генетических предпосылок» установки на безграничность, «открытость» «целесообразной деятельности» человеческого разума в дальнейшем развитии познания исторического процесса.

Таким образом, снимая принципиальное различие между чувствованием как осознанием деятельности и «переживанием образов и понятий как гносеологическим содержанием этих актов», выстраивая феноменологический подход к исследованию природы «Я», Юм утверждает,

что теоретическая наука о человеческой природе должна стать учением о сущностных формах познавательных, волевых и аффективных способностях и определяться в качестве понятия метафизики. Весьма важно, что удовлетворяя требования рациональных методов познания, сужая эмпирическое учение об аффектах, Юм переносит свой исследовательский интерес в сферу методологии исторического познания. Выработка метода исторического познания позволит точнее классифицировать душевные способности человека, устранить все связанные с их определением затруднения. Юм указывает: «Мы спрашиваем исключительно о нашей вере и пытаемся найти связь между убеждениями, а не между вещами». И далее: «Главная задача истории заключается в открытии константных, универсальных принципов природы человека, показывая людей во всех различных условиях и ситуациях, снабжая нас данными, на основе которых мы можем сделать наблюдения относительно регулярных пружин человеческого поведения и деяний» [7, с. 58].

Как методолог истории Юм пытается решить следующую задачу: «Какова функциональная граница проявления тождества человеческой природы вовне?» . В «Трактате об изучении человеческой природы» Юм пишет: «Из наблюдения различий поведения отдельных людей мы получаем возможность выводить большее различие максимум, которое тем не менее предполагает определенную регулярность» [7, с. 61].

В отличие от историзма Болингброка, Юм ищет такие способы обоснования событий прошлого, которые представляли бы органическое развитие истории, исключая беспорядочный фактор случайностей. Исследование природы причинности исторического события представляет собой «наиболее поучительную часть чтения истории», поскольку посредством такого знания человек способен управлять событиями, формировать будущее.

Доказательством разработанной Юмом концепции причинности, когда непосредственные объекты сознания напрямую зависят от деятель-

ности человека, они отличаются непрерывностью, тогда как восприятия вещей дискретны и в пространстве и во времени, служит разрабатываемая Юмом проблема операционального исследования регулярностей в деятельности человека. В центре внимания Юма как методолога истории оказываются атипичические события и явления в поведении человека – «то, что превращает историю в процесс изменений изначального». Историчность, новый момент в текучести исторических событий, все не привычное – вот что должно стать главным интересом историка. Именно здесь Юм наследует одно из положений Болингброка: «Человек – субъект любой истории и для того, чтобы его хорошо знать, мы должны увидеть его, рассмотреть его, как может одна лишь история, представить его нам в каждую эпоху, век, в каждом государстве, в жизни и в смерти» [9, с. 44].

Акцентируя внимание в своей методологии познания на личном феноменологическом опыте каждого, Юм утверждает, что субстанция является всегда тем, что домысливается нами. Субстанция представляет собой «фикцию» воображения.

Список использованных источников

1. Савин А.Э. Методология истории и трансцендентальная философия: постановка проблемы // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философская. 2007. № 300 (I) (июль). С. 64-68.
2. Ревякина Н.В. Ревякина Н.В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV в – второй половины XV в. М.: Наука, 1977. С. 68.
3. Баткин Л.М. Всеобщая история. М.: Изд-во РГГУ, 2013. С. 120.
4. Успенский Б.А. История и семиотика // Б.А. Успенский этюды о русской истории. СПб.: Азбука, 2002. С. 66.
5. Васильев В.В. История философской психологии. Западная Европа – XVIII в. Калининград, 2003. С. 138.
6. Барг М.А. Юм как методолог истории // Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 24.
7. Юм. Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Д. Юм. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1996. С. 58.
8. Бобкова М.С. У истоков формирования исторического сознания западноевропейского общества Нового времени // Новая и новейшая история. 2008. № 6. С. 25.
9. Болингброк Г.С. Дж. Письма об изучении и пользе истории. М.: Наука, 1978. С. 44.